

Как и обещал, Лун Сяюань привел Сюй Ю во дворец. Только вот он не думал, что его доброе намерение приведет к переполоху среди придворных. Особенно взволновались жительницы гарема. Обделенные вниманием женщины пришли в ужас, лица их побледнели, а быстро распространяющиеся слухи был один краше другого.

Особенно испугалась и разозлилась наложница Шань. Как мудрая экс-фаворитка, она собиралась воспользоваться отсутствием императрицы и, под предлогом заботы о ребенке, вновь подобраться к императору. План шел к своему исполнению, но тут появляется какой-то неизвестный мальчик и рушит затею?! Откуда он взялся? Неужели Его Величеству перестало хватать Ши Цинчжоу и он решил заменить его подростком?

Лицо наложницы Шань исказилось от гнева. Женщина рывком смахнула со стола две чашки из дорогостоящего сервиза, в дребезге те разбивая. Следящие за ней служанки и евнухи, поспешили опустить головы, дабы уменьшить ощущение собственного присутствия.

Пока дева Шань бесновалась у себя в покоях, во дворце наложницы Жу случилось неожиданно тихо. С тех пор как на территории ее резиденции нашли утопленную в колодце девушку, одна из бывших фавориток императора слегла с лихорадкой. Более полумесяца от нее не было ни слуху ни духу. Люди, конечно, перешептывались, но никто открыто не обсуждал произошедшее, будто боялся кого-то спугнуть или докопаться до неудобной правды.

С тех самых пор наложница Жу по какой-то причине старалась держаться в тени. Быть может, боялась навлечь на себя гнев монарха, потому что лишилась его благосклонности, а может быть, причина ее неожиданной скромности заключалась в ином. Как бы там ни было, женщина почти не покидала резиденцию и не попадалась на глаза Его Величеству.

В гареме, как и всегда до этого, разворачивались нешуточные страсти, но Лун Сяюань не обращал на это внимания. Его не волновали женщины, от которых он хотел бы избавиться. Не беспокоило их мнение о Сюй Ю, что стал для монарха младшим братом и сообщником в хранении страшной тайны. Да, они были разными, едва знакомыми людьми, но для опечаленного разлукой Лун Сяюаня встреча с кем-то, кто, так же как и он, пришел из другого мира, подарила чувство родства. Он перестал быть единственным пришельцем в этом времени и пространстве. С Сюй Ю правитель мог обсудить то, что боялся рассказать супругу, мог упомянуть моменты, которые могли бы рассорить их с Ши Цинчжоу.

Во время одной из бесед Лун Сяюань аккуратно выяснил, знает ли Сюй Ю о происхождении этого мира. Знает ли, что они стали персонажами далеко не самого популярного романа. Как оказалось, его новый знакомый не думал о подобном и никогда не держал в руке книгу. Счастливый в своем неведении, Сюй Ю думал, что попал в какое-то параллельное измерение, что отчасти похоже на древнюю эпоху Китая, но не имеющую с ней ничего общего. Поскольку Сюй Ю не знал о романе, Сяюань не стал раскрыть тайну. Ведь никто не хотел знать, что его жизнь продолжилась на страницах дешевой книги, верно? Не каждый сумел бы справиться с данным откровением. Не каждый сумел бы адекватно его принять.

Лун Сяюань не стал открывать новому другу глаза на суровую правду. Сюй Ю она попросту без надобности. Его, как персонажа романа «Пути императрицы к трону», не существует. Ни в

контексте основной истории, ни как эпизодического персонажа. Тем более что сам сюжет давно отошел от изначальной линии повествования. И Сяюань должен быть давно мертв, но вот он, все еще сидит за государственными документами, исполняя новую роль.

Хотя, если посмотреть на ситуацию с другой стороны. Настоящий император в самом деле умер. И на его место пришел другой человек, с другой мотивацией и видением истории. Сюй Ю и вовсе переживает свою сюжетную линию, которая каким—то образом вписалась в канву изменившегося повествования.

Итак, герои изменились. История сменила вектор. И больше нет необходимости копаться в этом вопросе.

Лун Сяюань делил с новым товарищем обеда и ужины, после чего позволял тому отдохнуть во дворце Юйшан, что находился не так далеко от резиденции императрицы, в котором частенько проводил время сям Сяюань. Дворец Юйшан не относится к группе домов чиновников, не относится к зданиям гаремных жительниц. По обыкновению в нем останавливались высокопоставленные послы и принцы других стран, но Сюй Ю явно не принадлежал ни к одной из этих категорий, создавая вокруг себя ореол таинственности.

Откуда людям знать о простом происхождении Сюй Ю? Если бы дело обстояло иным образом, император непременно бы сообщил о нем министрам. Оттого ситуация представлялась все более интригующей и волнующей. Особенно для многочисленных наложниц, которые в должной мере ощутили шаткость своего положения. Ведь одно дело получить в соперники никчемного, временного любовника, совсем другое считаться с человеком, которому позволили поселиться во дворце Юйшан.

Ситуация намекала на дальнейшее продвижение Сюй Ю по статусу. Люди боялись услышать, как никчемное домашнее животное получает незаслуженный благородный титул, но благоразумно помалкивали об этом в присутствии Его Величества. Многочисленные чиновники погрузились в тяжелые думы, а наложницы не на шутку испугались. Сперва, они не понимали как красивый, властный и принципиальный император вдруг начал благоволить супругу, отчасти списывая их близость на политический ход. Но сейчас монарх вновь привел мальчика. Неужели ему начали нравиться мужчины? Что же теперь делать женщинам?

Привыкшие к роскоши и богатому довольствию, женщины начали беспокоиться о собственном будущем.

В отличие от своего окружения, Лун Сяюань не задумывался о происходящем настолько глубоко. Он позволил Сюй Ю поселиться во дворце Юйшан, потому что тот был свободен. Тем более что мужчину, хоть и юного, не стоит помещать в сад прекрасных цветов. Несмотря на то что Сяюань ничего не испытывает к жительницам запретного города, было бы странно обнаружить их с другим, не так ли? Руководствуясь одним не самым хитрым помыслом, Сяюань не подозревал о вызванном переполохе.

Сюй Ю — послушный, осторожный ребенок, в основном не выходил из резиденции, редко

попадался людям на глаза. Скорее всего, опасаясь шпионов из башни Тяньинь. Скрытая от внешнего мира, она продолжает оставаться могущественной силой, у которой немало козырей в рукаве. Сяюань всерьез обеспокоился моментом, и втайне от гостя выставил у дворца Юйшан трех теневого стражей. Одним из которых стал Ин Цю. Во-первых, император не сомневался в его мастерстве, во-вторых, знал о его находчивости. Только такой человек мог дорасти до заместителя начальника теновой гвардии.

Пока Сяюань беспокоился о столкновении с тайной силой цзянху, Ши Цинчжоу получил голубя с донесением из дворца и мгновением позже раскрыл чашу, что была у него в руке. Находящийся с ним в палатке Ши Циншань с удивлением обнаружил перемену в настроении сына и невольно нахмурился. Давно он не видел императрицу в таком раздразе. Что это было? Гнев? Жажда кровавого убийства или леденящее сердце разочарование? Сложная для понимания эмоция...

Ши Циншань с полминуты молча наблюдал за поникшим сыном, прежде чем аккуратно спросить:

— Что случилось?

— Ничего страшного, — как можно равнодушнее отозвалась императрица.

Только вот прославленный генерал ни капли не поверил неосторожно брошенным словам:

— Цинчжоу, неужели есть вещи, о которых ты не можешь мне рассказать? Не забывай, я твой отец.

Молодой человек горько улыбнулся и повесил голову. Однако война не устроило его скорбное молчание.

— Цинчжоу... этот голубь... он прибыл из столицы? — оставляя себе место для маневра, генерал специально обобщил место, не указывая на дворец. Отчасти он хорошо понимал, что, а точнее, кто, мог так расстроить его сына. Скорее всего, в донесении шпионы обличили некоторые похождения императора.

— Оно... — собравшись с духом, тяжело вздохнул Цинчжоу, — из дворца...

Как и предполагал генерал. Однако, если бы в столице случилось что—то из ряда вон выходящее, прославленный защитник империи давно узнал бы подробности, значит, расстроившее императрицу дело, касается непосредственно супруга.

— Что случилось?

— В зале Юйшан поселился какой-то молодой господин. Говорят, Его Величество лично привел его в запретный город, — все еще не поднимая головы, признался Цинчжоу.

— Молодой господин?

— Да... молодой господин...

Ши Циншань округлил глаза, невольно поерзав на стуле:

— Как же так вышло? Неужели император теперь... теперь смотрит только на мужчин?.. — откровенный шок заставил мужчину заикаться. Да, его собственный сын мужчины, вошедший во дворец как императрица. Однако это решение продиктовано политическими веяниями и никак не связано с привязанностью или чувствами. Более того, раньше император не был замечен в пристрастии к своему же полу, так что пошло не так?..

— Я не знаю, — равнодушный голос отдавал плохо скрываемой горечью.

Ши Циншань строго посмотрел на сына. Как человек, проживший на земле не один десяток лет, он примерно разобрался в ситуации, но имел собственное мнение:

— Цинчжоу, ты стал императрицей, вошел в гарем... тебе не следовало идти против законов и отправляться на границу.

— Отец, я знал, к чему это приведет, — сжимая кулаки до белизны костяшек, Ши Цинчжоу поднял голову, демонстрируя отцу суровое выражение лица. — Ничего страшного не случилось, я переживу это.

— Дворец Юйшан непростое место, — с прищуром глядя на сына, многозначительно рассуждал генерал. — Если бы Его Величество просто взял в гарем питомца, его никогда бы не поселили в столь важном зале. Ты ведь и сам думаешь, что к этому молодому господину проявили неслыханную заботу и подозреваешь, что в будущем Его Величество одарит любовника чином?

— Мне... подробности мне неизвестны, — слова отца попали в цель, больно уколов потрескавшееся от горя сердце.

Ранее Цинчжоу никогда так не реагировал на действия правителя. И генерал приблизительно понимал, почему все изменилось:

— Сынок... тебе ведь нравится император, так? — нарочито ласково поинтересовался мужчина.

Воин резко поднял голову. И снова слова генерала попали точно в цель, только вот даже сам Цинчжоу не знал, что таковая имелась, поэтому не нашелся с ответом, так и оставшись стоять

с округлившимися от прозрения глазами. Его реакция оказалась красноречивее любых слов. Ши Циншань слишком хорошо знает своего сына, чтобы не понять, что значит его растерянность.

Горько посмеявшись в мыслях, Ши Циншань глубоко вздохнул и вдруг поднялся с суровым выражением лица, будто собрался бранить отпрыска:

— Цинчжоу — ты императрица, но ты не можешь уподобиться женщине! Твоя ревность не может мешать другим людям! Ты не можешь вредить им только потому, что император обратил на них внимание! Это не наш стиль, не стиль семьи Ши! — После чего мягче добавил. — Ты ведь понимаешь?

Ши Цинчжоу поджал губы и после небольшой заминки поднял голову, взглянув на возвышающуюся над ним грозную фигуру отца:

— Сын понимает...

Генерал с облегчением выдохнул. Он и сам не знал, как успокоить влюбившегося в мужчину отпрыска, поэтому спустя какое-то время просто похлопал парня по плечу:

— Отец понимает твои чаяния. Жизнь нередко преподносит нам горькие сюрпризы. Кроме того, в последнее время император уделил тебе много внимания, он бы не стал делать этого, если бы ничего не чувствовал, если бы не держал тебя в своем сердце. Захочешь ты вернуться во дворец или останешься здесь, решать тебе, я приму любое твоё решение. Но будь уверен, принеся Его Величеству победу, ты вновь привлечешь его внимание.

Цинчжоу промолчал. Генералу не оставалось ничего другого, кроме как, вздохнуть и выйти из палатки. Без единственной держаться гордо и спокойно причины, императрица окончательно расстроилась. Обида смешалась с недоумением, породив ощущение преданности.

Совсем недавно Лун Сяюань обещал ему прожить вместе жизнь, совсем недавно говорил о верности и честности, а стоило Цинчжоу уйти отказался от своих слов? Так быстро изменил решение? Это он называет любовью? Цинчжоу ошибся, когда поверил словам монарха?

Молодой воин закрыл глаза и сжал ткань на груди. Дышать становилось все тяжелее. Цинчжоу медленно закрыл глаза и сжал ткань одежды на груди, в попытке удержать на месте осколки разбитого сердца.

Лун Сяюань не подозревал о творящихся с возлюбленным метаморфозах. Хотя, если быть до конца откровенным, его собственное состояние едва ли можно считать лучшим. Перелистывая донесения, император поймал себя на мысли, что не понял ничего, что только что прочел. И дело не в почерках министров, просто мысли о Ши Цинчжоу вытеснили все

остальные.

Они не виделись больше месяца. Посыльные приносили записки с основными новостями о сражении, но, больше походившие на протоколы, они не рассказывали о том, как живет Цинчжоу. А сами супруги не отправили друг другу ни весточки, ни короткой записки. Совсем ничего, будто их теплые чувства перекрыла странная обида. Неужели они поссорились, а Сяюань оказался настолько глуп, что ничего не заметил?

Император откинулся на спинку роскошного стула и, перебирая в памяти последние дни совместной жизни, задумался. С того разговора о походе меж ними в самом деле что-то переменилось. Сяюань, сам того не осознавая, начал вести себя сдержаннее и даже не пошел провожать возлюбленного на стену. Трусливо поднялся, только когда войско почти скрылось из виду. Что он тогда почувствовал? Кажется, обиду...

Размышления о грустном выбили монарха из колеи. Тяжело вздыхая, Сяюань попытался вернуться к документам, но, к сожалению, затея не увенчалась успехом. Мужчина отложил незаконченные дела, решив заняться теми позже. Примерно в ту же минуту евнух сообщил о прибытии господина Сюй. Естественно, им был созданный переполох Сюй Ю.

Монарх позволил гостю войти. Два подавленных из-за разлуки с возлюбленными человека, понимающе оглядели друг друга.

— Старший брат, давай немного прогуляемся?

Сяюаню понравилась задумка. Переведя взгляд на окно, на голубое небо, мужчина кивнул:

— Уже полдень, я не могу выйти из дворца, но мы можем прогуляться в его пределах. Что насчет императорского сада?

— Неважно где.

Вдвоем они вышли на прогулку по выложенным камнем дорожкам роскошного сада. Погода стояла прекрасная, и молодые люди обосновались в первой приглянувшейся беседке. Молчаливые, словно понимающие друг друга без слов, со стороны они казались весьма гармоничной парой. Конечно же, так они выглядели только в глазах сопровождающих господ слуг.

— Старший брат, я хочу выпить, — устроившись в беседке, лениво сказал Сюй Ю.

Немного подумав, Сяюань обнаружил нехитрое желание и в своей вотчине, а раз все так, то почему бы не воспользоваться моментом и не выпить хорошего вина? Монах тут же распорядился принести им напитки и легкие закуски. И без того напряженные евнухи не осмелились медлить, принеся важным господам два кувшина одного из лучших вин.

Сюй Ю первым снял пробу, причмокнув:

— Какой интересный вкус.

— Таким он быть и должен. Но будь осторожен, это вино легкое на вкус, но несколько его чаш быстро ударят тебе в голову. Если не хочешь напиться — не перебарщивай.

— Напиться?.. — Сюй Ю посмотрел на полупустую чашку и прошептал под нос. — Я уже очень давно не напивался, и кажется, начал забывать, какого это — быть пьяным... Старший брат, а давай сегодня напьемся?

Лун Сяююань чувствовал, что не имеет права удовлетворять каждый свой или чужой каприз. Но Сюй Ю сегодня бил не в бровь, а в глаз. Их желания совпадали. Отчего иррациональная сторона монарха постепенно брала верх, позволяя мыслям о разовом послаблении пробраться в голову.

Так тому и быть! Сегодня император побалуует себя!

От души рассмеявшись, Сяююань залпом выпил чашу:

— Хорошо! Давай сегодня напьемся!

Нашедшие себе нехитрое развлечение, эти двое, пренебрегая закусками, опрокидывали в себя чашу за чашей, будто собрались пить на спор. Их веселье не осталось без внимания многочисленных слуг, что быстро разносили слух о неожиданном застолье. Узнавшие об этом наложницы в который раз позеленели от гнева. Особенно разозлилась дева Шань. В ярости она собиралась броситься в сад, но вовремя себя одернула, оставшись громить покои.

<http://bllate.org/book/14215/1253507>